

Архипыч в гостях у дяди

Александр Шипицын

Как всегда, бывая в Ленинграде, и в этот, первый после поступления в училище раз, Архипыч, тогда еще просто Коля, остановился у дяди с тетей. Его родственники были людьми интеллигентными. В Питере все интеллигенты. Там воздух или вода такая, что все в основном сугубо интеллектуальной жизнью живут. Ведь надо же, ни в Эрмитаже, ни в Пушкинском музее, ни разу не бывали, Исаакиевский собор только издалека видели, времени, видите ли, нет, а все про все знают. Собственно чего им торопиться, Эрмитаж никуда не уйдет, Исакий пирамиды египетские, даст Бог перестоит, - успеют еще побывать. Некоторые правда не успели, да кто теперь про них плохое что скажет.

Итак, дядя с тетей у Коли были людьми интеллигентными, все достопримечательности Ленинграда наизусть знали (им о них, часто гостящие, родственники рассказывали), ну и обстановка в квартире у них была соответствующая. Дядя недавно ремонт сделал, новую мебель купил, старую - продал, должно быть. Питерцы они люди практичные, ничего просто так на свалку не выбросят. Он и ванную комнату с туалетом обновил, а на унитаз, невиданный по тем временам, пластиковый, жемчужного цвета хомут приделал. Коля же, надо сказать, в училище одичал маленько. Да и то сказать, какие уж там, в казарменном туалете пластиковые хомуты - сел на очко орлом, дверь, если есть, запер на защелку..., а если нет, и так сойдет, вокруг ведь свои все, чего там стесняться. А по правде сказать, и дома-то у него все удобства во дворе располагались.

Утром дядя с тетей на работу ушли, Коле указали, где в холодильнике что лежит, чтобы сам себе завтрак сготовил. Коля, после казарменных подъемов, вволю навалевшись, сытно позавтракал яичницей с беконом, пивом "Мартовским" запил (дядя побеспокоился) - мода в Питере в то время такая была, чтобы все как у американцев. Закурил папиросу, его инструктор только "Беломор" курил, даже как инструктор пачку особым манером открывал, ногтем большого пальца посередине разрезал, а пачка при этом на две половинки разламывалась. Пару раз затянулся и в туалет пошел.

По казарменной привычке залез он обеими ногами на пластиковый хомут, а весил он прилично - килограмм под восемьдесят, почти одни мышцы, ну хомут и хрястнул, как раз в том месте, где обычно пятая точка наиболее плотный контакт с сидением имеет. Сделав свои дела, Коля, глядя на трещину, заделать которую никакой возможности не представлялось, затылок почесал, бросил окурки в унитаз, и ушел в город, культурно просвещаться.

> Вечером дядя в туалет пошел, пятую точку в этом самом месте трещиной в хомуте защебил и очень сильно ругался. Больше всего его злило, что он понять не мог; как можно хомут этим местом сломать? Давно, видно в армии служил, позабыл все. А Николай на его вопрос ничего толком отвечать не стал, теперь то он сообразил, как тут сидеть надо было, а признаться неловко, и невнятно дядю успокоил,

> - Чего, там, - дескать, - дядя. Я, во всех местах накачанный, повернулся за бумажкой, а оно, гляди, и лопнуло.

> Дядя недоверчиво головой покрутил, на Колину задницу покосился, свою потер, но ничего больше не сказал, видно смутно что-то из своего опыта припомнил.

В тот же вечер Коля, открывая дверь в залу, за ручку - пимпочку чешскую пластмассовую с золотистым ободком, потянул, а дверь, надо сказать, нижним краем за пол цепляла. Чтобы добиться желаемого перемещения, Коля и сил-то приложил совсем ничего, а ручку - пимпочку эту, оторвал. Дядя был уже начеку и тут же появился:

> - Ты, - говорит, - обалдуй, сила есть - ума не надо! Мог и сообразить башкой своей непутевой. Слегка дверь за ручку от пола приподними и потяни на себя. Тянешь со всей дури! А с дури сам знаешь, что сломать можно. Еще хорошо, что я одну ручку в запас купил. Как знал, приедет олух типа тебя, и что-нибудь, да сломает.

> Коля на дядю не обиделся, стоял только рядом да в смущении бок чесал, где-то подмышкой:

- Черт ее, дядь Петь, знает. Легонько только потянул+, импортная вещь.+ Гляди, вот ведь хрупкая какая! И как это я?

- "Хрупкая", "легонько", - ворчал дядя, - а силища? Вон лапищи-то, какие, а сала то в башке и нет? Ноль, и ухудшается. У, турок!

Дядя любил все в доме чинить сам, и уже не сердился, а, принеся новую пимпочку, уже привинчивал ее, ловко орудуя отверткой.

- Снизу, коняга, поднажми. - Поучал дядя Колю, - А потом, лапищей своей, деревянной, тяни. Пол ли, нет!?

- Да чего тут не понять, - проявлял Коля свою сообразительность, приподнял, и тяни.

- Точно, - подтвердил дядя, - пошли чай пить.

После чая, черт понес, уже ученого, Колю в ту же залу. Памятуя полученные от дяди наставления, Коля, обхватил снизу нехилой своей ладошкой нежное произведение чешских умельцев, напряг крепкий бицепс свой и приподнял дверь. Пимпочка, оторванная давлением снизу, чуть не влетела в лоб, наблюдавшему за плодами своих трудов и поучений дяде. Впрочем, даже если бы она и попала, даже если бы она набила на дядином лбу солидную шишку, то и тогда его негодование не было бы большим. И тогда бы он едва ли смог сказать так много и так выразительно, как при виде столь наглого небрежения его педагогическими усилиями. Особенно его злила, собственная непредусмотрительность.

- Как я мог, - выговаривал дядя, - зная, что мой племянник такая бестолочь и деревенщина, позволить себе купить только одну запасную ручку!

- Надо было купить на всю полочку этих ручек! - надрывался он, норовя дать Коле подзатыльник,

- Надо было железные ручки поставить! Надо было, к твоему приезду сортир во дворе выкопать, - не удержался он и от мелкой мести, - а тебя, медведя, в стойло на ночь ставить, да к стенке цепью приковать, что бы ты при ловкости своей, здание не обрушил!

Коля виновато чесал другой бок на том же уровне, возле подмышки. Не зная от смущения, чем занять себя, он взял в руки тетины швейцарские часики, лежащие на столе в пустой хрустальной пепельнице. Эти часики дядя привез с войны, и они составляли главную гордость семейства. Дядя зарычал и кинулся к невезучему родственнику, но было поздно. Часики в Колиных руках звонко щелкнули и к неопишуемому его ужасу заводная головка и корпус часов уже не составляли единого целого.

> - Свернул, - стонал дядя, - головку свернул! Иди с глаз моих, видеть тебя не могу! Бурмыла чертова!

На шум скандала в залу с кухни, заглянула тетя:

- Ну, чего ты на ребенка разорался? - спросила она мужа, разобравшись в сути конфликта, - какие-то старые часы, ручки, хомут. Так ли это все важно?

Тете было жаль часиков, но она очень любила Колю и всегда защищала его от всех, даже от Колиной мамы, но когда на следующий день накрывала на стол, то Коле, вместо фарфоровой чашки, поставила простую алюминиевую кружку.

А когда Коля попытался заточить простой карандаш немецкой, из золлингенской стали, опасной бритвой, (вторая семейная реликвия), и выломал, в общем-то, небольшой кусочек ее лезвия, что лишило бритву ее функциональности, дядя подумал - как хорошо, что у курсантов отпуск всего тридцать суток.